

Маме, папе и Гарри —
со всей любовью.

Имогжен и Алексу —
потому что они веселые,
добрые и умные. Я счастлива
быть вашей тетушкой.

И Полу, который просит вас
передать, что все хорошее
в этой книге придумано им.

Глава 1

— Что тебе нужно, Поппи, — так это немного стабильности, некоторая опора! — прокричала мадам Пим, хлопая в ладоши, в то время как мы висели вниз головой на высоте сорок футов над землей. Она слегка сместила свой вес на трапеции, отчего облако ее вьющихся черных волос всколыхнулось и заискрилось, как если бы она сунула мокрый палец в тостер. Мои длинные жидкие хвостики висели вертикально вниз, как страховочные тросы, а губы я сжала в сердитую полоску. Мне совершенно не хотелось снова заводить этот разговор.

— Тебе следует проводить больше времени в обществе своих ровесников. Ты должна пойти в нормальную школу, где тебя научат нормальным вещам — всему тому, что нужно знать одиннадцатилетней девочке! — продолжала мадам Пим.

Я испустила оглушительный стон, который проделал долгий путь от кончиков моих пальцев на ногах до самой макушки.

— Я и так учусь нормальным вещам, — буркнула я, подтянувшись, чтобы почесать коленку, и стала рассказывать, что не далее как сегодня утром клоун Смехач прочитал мне лекцию о древней и славной истории мимов и их прекрасной меланхолии, но тут мадам Пим снова меня перебила:

— Вот видишь? Не думаю, что это похоже на настоящий урок истории, детка. Тебе уже почти двенадцать, а здесь, в цирке, мы можем научить тебя только этому. Пора серьезно подумать о школе.

Вот так началась эта история. Раньше я никогда не писала настоящих книг, но мне кажется, что начинать лучше с самого начала. Наверное, я должна сразу предупредить, что это немного необычная история, можно сказать — перевернутая с ног на голову, потому что в большинстве книжек, которые я читала, дети убегали из школы, чтобы поступить в цирк, а не наоборот. Вы тоже наверняка думаете, что эпизодом в цирке моя история должна заканчиваться, а не начинаться. Что вам

на это сказать... Истории — они как червяки, материю скользкие, порой сразу и не скажешь, где у них начало, а где конец. В любом случае это моя история, так что если вам хочется какого-то другого начала, так возьмите и напишите его прямо вверху страницы — зачем я буду делать это за вас, верно? Между прочим, быть писателем — это вам не шуточки.

Итак, давайте вернемся сначала к началу, и я расскажу вам о «Потрясающем Странствующем Цирке мадам Пим» и о ночи, когда в этом цирке нашли прелестного и чудесного младенца.

В ту знаменательную ночь, после того как толпы зрителей разошлись, цирковая труппа проводила очередную позднюю репетицию в большом шатре. Великолепный Марвин, непревзойденный иллюзионист, наклонился над своим блестящим черным цилиндром. Он сунул руку в самую глубину шляпы, порылся там немного и вытащил наружу очень мрачного и сердитого цыпленка.

— О, Марвин, опять! — вздохнула Дорис, его жена и ассистентка. — Скоро нам придется пристроить к курятнику еще один флигель!

Мрачный цыпленок отряхнул свои взъерошенные перышки и потопал прочь, раздраженно попискивая на ходу, чтобы дать понять всем вокруг, что БОЛЬШОЕ, конечно, спасибо, но вообще-то быть вытасненным из волшебной шляпы — удовольствие сомнительное.

— Подождите-ка, — медленно произнес Марвин, не вынимая руки из шляпы. — Там есть что-то еще... Что-то... покрупнее...

— О нет! — выдохнула Дорис. — Надеюсь, это не очередная индюшка — они такие шумные!

Марвин склонился над шляпой и заглянул внутрь.

— Нет, по-моему, это не... — Он осекся, сунул обе руки в шляпу и наклонился так низко, что почти наполовину скрылся в ней. — Боже праведный! — Его голос эхом донесся откуда-то из неведомой дали, а через мгновение Марвин вынырнул обратно, держа в руках сверток в одеяле.

— Что это такое, милый? — спросила Дорис, близоруко щурясь сквозь толстые стекла очков.

— Это... это... ВСЕ ИДИТЕ СЮДА, БЫСТРО! — заорал вдруг Марвин, и все разом побежали. Все — это грустный клоун Смехач и веселый клоун Бобо, наездницы-вольтижировщицы Тина и Тауна, укротитель львов Луиджи Транцорри, метательница ножей Остроглазая Шейла и знаменитый силач Борис фон Юрген. На крик прибежала даже Фанелла, прославленная итальянская глотательница пламени, вместе с Отисом — длинной оранжевой змеей, обернутой вокруг ее плеч как боа. Последней явилась сама мадам Пим — заправительница, предсказательница, прорицательница и бесстрашная воздушная гимнастка.

— Что тут происходит?! — рявкнула мадам Пим (она у нас очень суровая и при этом очень маленького росточка, так что ей пришлось вытянуть шею, чтобы заглянуть в лицо Марвину). — Из-за чего весь этот переполох?! — простионала она. — Только не говори, что выудил оттуда еще одного осьминога! Я до сих пор с ужасом вспоминаю, с каким трудом нам удалось избавиться от предыдущего.

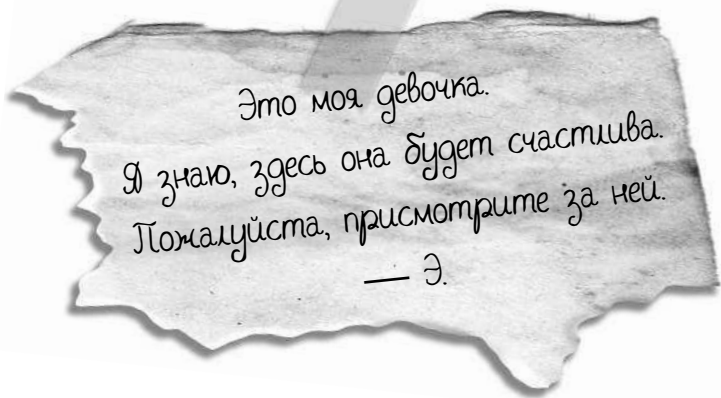
— Это было В ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ РАЗ! — горячо воскликнул Марвин, но тут же вспомнил, что у него есть дело поважнее. — Тем более что это совсем не то, — нервно добавил он, сжимая в руках сверток.

— Надеюсь, это не очередной...

— ...цыпленок, — хором пропели Тина и Тауна, которые очень любили заканчивать друг за друга фразы и не очень любили бесконечные омлеты, которые им приходилось есть каждый раз после того, как цилиндр Марвина сносил очередных цыплят.

Пим впиалась глазами в сверток, который держал Марвин. Все остальные сгрудились вокруг и громко ахнули, когда мадам откинула край одеяла, явив на свет огромные моргающие глаза младенца, грубо разбуженного от сладкого сна. К одеялу был приколот листок бумаги, и все замерли, дожидаясь, пока мадам Пим отшпилит его и прочитает написанное вслух.

И тут ребенок начал плакать, словно хотел сказать: ну что вы все уставились? Он плакал громко. Очень громко.

Пим взяла младенца из рук Марвина, все окружили ее и заговорили одновременно, стараясь перекричать друг друга.

— Святые небеса, что же нам с ней делать?! — возопил Луиджи, которого на самом деле звали лорд Лукас, четырнадцатый граф Барншир, — просто он решил, что имя «Луиджи» подходит укротителю тигров гораздо больше.

— Бедная крошка, — пролепетала Дорис. — Марвин, раздобудь-ка еще одно одеяльце для малышки!

— Нужно позвонить в полицию, — томно протянула Фанелла, изящным жестом указав куда-то в сторону мерцающих вдали городских огней. — Это не наша забота.

— Да! Да! — воскликнула Тина. — Мы должны...

— ...сообщить властям! — закончила Тауна.

— Нет! — с жаром заявила мадам Пим, и все, включая младенца, мгновенно смолкли. — Вы слышали, что написано в записке? Наш долг позаботиться о малышке и сделать ее счастливой. Она будет одной из нас. — Тут в глазах Пим вспыхнул уже знакомый всем неистовый взгляд, означавший, что ее посетило очередное «Видение Будущего», а все знавшие Пим прекрасно понимали, что с «Видением Будущего» лучше не спорить.

Поэтому все сразу взялись за дело.

— У меня есть совершенно очаровательная клетка, из которой можно сделать прекрасную кроватку, — сказал Луиджи. — Мой дорогой Лютик спал в ней, когда был крохотным львенком, — добавил он, вытерев набежавшую слезу.

— А я пойду подогрею для нее молока, — объявил Великолепный Марвин — и тут же скрылся, оставив после себя вспышку света и облако дыма.

— Но как же мы ее назовем? — спросила Остроглазая Шейла, вперив в младенца свой пронзительный взгляд.

— Это дитя имеет чрезвычайно красный цвет. Назовем ее Томата, — твердо заявила Фанелла. — Очень красивое имя. — С этими словами она дважды коротко и резко хлопнула в ладоши, давая понять, что решение принято.

На миг повисла напряженная тишина, которую прервала мадам Пим:

— Очень мило, Фанелла... Тем не менее, думаю, нам стоит выбрать несколько иной оттенок красного цвета... Как насчет... скажем, мака? Это такой красивый красный цветочек. Итак — Поппи¹?

(Да, на случай, если вы до сих пор сами не догадались: этим младенцем была я, та самая Поппи, которая рассказывает вам эту историю.)

Фанелла красноречиво пожала плечами:

— Мне кажется, что имя «Томата» подходит ей гораздо больше, но решать вам.

— Да, Поппи! Поппи! — поспешно закричали все.

Вот так я и стала Поппи Томата Пим.

Когда я напилась вкусного теплого молока, Пим отнесла меня в свой фургон и уложила рядом со своей кроватью, в маленькой львиной клетке, устланной свежей соломой.

Вот вам история моей первой ночи в цирке, в котором я живу до сих пор. Здорово получилось, да? Я только что дала Марвину прочесть первую главу, и он считает, что я прирожденная рассказчица, хотя его немного огорчило, что я упомянула эпизод с осьминогом. Я объяснила ему, что это очень важная часть истории, на что он ответил: «Важная с точки зрения Фанеллы, поскольку она

---

¹ «Мак» по-английски — *poppy*. (Прим. пер.)

УТВЕРЖДАЕТ, будто осьминог украл ее сережку, однако этот факт НИКОГДА не был подтвержден». После этого он заметно рассердился, лицо у него покраснело, он стал вести себя как адвокат в суде и даже очень громко закричал «Я ПРОТЕСТУЮ!», поэтому я ушла.

На самом деле самая важная часть этой истории — в конце, где рассказывается о том, как я попала в цирк¹. Я получила имя и семью. Я была дома.

---

¹ Марвин просит меня добавить еще один важный момент: вы должны знать, что во время исполнения фокуса ни один осьминог и ни одна сережка не пострадали. (Прим. авт.)